

деревенского жителя Северной Германии символом германцев является дуб: среди современного поколения живы воспоминания об официальной праздничной обрядности 1930–1940-х гг., когда дерево, посвященное Донару, провозглашалось священным германским символом и повсюду во славу «великой германской нации» сажали дубовые рощи «Hitlereichen». В то же время дуб ни разу не был упомянут информантами в рассказах о праздничной обрядности Мекленбурга и Вендланда. Существует еще один интересный факт: дубы широко распространены в Мекленбурге, а в Ябельхайде — редки. В качестве своеобразной иллюстрации приведу слова мекленбургского поэта и патриота Адольфа Бранда (1851–1910), который писал в стихотворении, названном «Национальным гимном Гризе Гегенд»: «Dor wasst von Eiken kein Stöck // Blot Ellern un kröplige Dannen // Un Barken, de stahn in den Knick» («Там не растет ни один дуб, только ольха и ели, да березы, что стоят в зарослях») [цит. по: Borchert, 1993: 54].

С одной стороны, возникает имагологический эффект: в представлениях современного северонемецкого жителя на землях, в прошлом населенных славянами, береза в качестве элемента праздничной традиции связывается со славянскими корнями. С другой стороны, в последнее время в Ганноверском Вендланде наблюдается подъем регионального самосознания, который, прежде всего, выражается в подчеркивании региональной обособленности, исторической и этнической уникальности Вендланда. В первую очередь уникальность региона связывают с длительным сохранением славянского населения. Таким образом, ссылки на свое славянское прошлое и приведение исторических фактов в соответствие с ним стали в последнее время модными. Кроме того, вслед за Й. Швеве [Schwebe, 1960: 83] мы предполагаем возможность восприятия сравнительно нового обычая установки Майского дерева в вендландских деревнях как продолжения вендской традиции установки Короновидного и Крестовидного деревьев. Кстати, об этом говорили и некоторые информанты из Вендланда [Приложение 2, № 55]. В этом случае мы имеем дело с действием фактора традиции территории, когда новый обычай был безболезненно воспринят и «прижился» на почве сходной автохтонной обрядности.

Праздники в северонемецкой деревне. XX век

Вековой процесс парцелляции календарной обрядности, сужения ее социальной стороны, а также переход от общины к семье как субъекту праздничной обрядности естественны и обус-

ловлены ходом истории. На изучаемой территории Северной Германии — Мекленбурга и Ганноверского Вендланда — эти процессы происходили следующим образом.

Существенные изменения в древней праздничной обрядности Мекленбурга были обусловлены четырьмя основными причинами.

Во-первых, буржуазные аграрные реформы и сепарация деревенских земельных наделов, последовавшая в 1822 г. Утрата социальными структурами деревень в XIX в. тех групп населения, которые во время календарных праздников традиционно являлись носителями обряда, привела к изменению структуры и потере некоторых функций праздничного обряда.

Во-вторых, распространение нового типа крестьянского дома, который отвечал новым требованиям хозяйства и не имел, в отличие от традиционного единого дома-двора, помещения «диле», связывавшего хозяев со слугами и служившего важным структурным элементом мекленбургской праздничной обрядности. Это изменение привело к смене места празднования дней годового цикла [Мьнс, 1989: 357–358].

Третья и четвертая причины могут быть отнесены не только к Мекленбургу, но и к любому региону Европы. Речь идет о влиянии протестантской церкви, которая со времени Реформации вела борьбу с праздничными гуляниями ряженных как рудиментами язычества. Наиболее последовательно изменения праздничной обрядности, вызванные указанной причиной, происходили в городской среде, но и в деревне они постепенно приводили к перемещению самого праздника из общественной среды в частную, индивидуализации праздников, превращению шумного гуляния деревни в тихий семейный праздник со своими канонами [Мьнс, 1989: 360]. Однако для деревенской общины это влияние не могло быть столь ощутимым и значительным, как для города, ибо, как было отмечено выше, деревенская беднота старалась как можно дольше сохранить черты общинного единства, что отразилось и на календарной обрядности.

И, наконец, четвертой причиной можно считать постепенное внедрение технических средств в сельскохозяйственное производство. Как установлено, по мере роста научно-технического прогресса удельный вес традиционно-бытовой культуры постепенно сокращается, а развитие сферы массового технического производства способствует выравниванию культурного уровня, взаимодействию культур, что приводит к унификации и стандартизации культуры [Бромлей, 1974: 20]. Во второй половине XIX в. дух индустриального городского общества все более проникает в деревенскую среду, в хозяйственную, культурную и со-

циальную области. Это время, когда в календарной обрядности деревни наряду с традиционными региональными появляются так называемые надрегиональные обычаи, характерные для городской стандартизированной культуры, все более вытесняя первые [Gawlik, 1998: 142]. Технизация сельского хозяйства Северной Германии в XX в. привела к окончательной потере региональной специфики культуры в ее материальных формах (орудия сельскохозяйственного и ремесленного производства, изучение которых, впрочем, не входит в задачи нашего исследования). В свою очередь, проникновение элементов стандартизированного урбанистического быта из городской среды в деревенскую вытеснило и предало забвению многие традиционные старые обычаи специфической сельской жизни, т.е. культуры в ее духовных формах.

Огромный урон праздничным традициям нанесла Вторая мировая война. По воспоминаниям мекленбургских информантов, в военные и послевоенные годы из-за трудного материального положения деревенские общины не устраивали общих праздников, а иногда отказывались даже от семейных праздников: «Затем, когда началась война, больше ничего уже не было. Тогда все было уныло и безнадежно» [Аудиотека МАЭ. № А-2-13]. После окончания войны и раздела страны на два самостоятельных государства развитие праздничной календарной обрядности в регионах Мекленбурга и Вендланда, разделенных отныне государственной границей, пошло разными путями.

Верхней хронологической границей существования обычая общинных праздников календарного цикла в деревнях Юго-Западного Мекленбурга следует считать предвоенные годы (до 1939 г.), в некоторых случаях – начало 1950-х гг. Пожилое поколение информантов чаще всего называло эти годы, а более молодое поколение, юность которого пришлось на 1950-е гг., не застало многих коллективных мероприятий, связанных с празднованием Троицы, Пасхи, февральского карнавала и других дней календарного цикла. «Да, первые годы после войны, потому что наши дети и внуки, у них уже этого не было. Может быть, в середине 50-х еще было, после уже не было» [Аудиотека МАЭ РАН, № А-2-10]. Причинами отказа от послевоенного возрождения традиций, по нашему мнению, можно считать несколько факторов.

1. Повсеместное внедрение и распространение средств массовой информации, особенно радио и телевидения, которые с 1950–60-х гг. стали общедоступными даже в сельской местности. Сельская молодежь, получив новый вид досуга, больше не нуждалась в традиционных играх и гуляниях, как это было раньше. Сами информанты называли появление телевидения в качестве основ-

ной причины угасания традиционной праздничной обрядности в деревне: «Тогда уже было другое, потом появились телевизоры, и еще много чего. На это больше уходило времени, правда? Но запретов никаких не было, просто прошел интерес» [Аудиотека МАЭ РАН, № А-2-8]; «Теперь все традиции потеряны: у всех есть телевизоры, а раньше вечерами рассказывали о том, что было раньше» [Аудиотека МАЭ РАН, № А-2-2]; «Теперь все изменилось из-за проклятого телевизора: люди больше не устраивают гуляний» [Иванова Ю.В. Архив. Л. 116]. Однако средства массовой информации сыграли роль не только нового вида досуга, но и мощного средства продвижения новых стандартов.

2. Фактор общепринятой моды как системы стандартов, регулирующих поведение и повседневную жизнь. Новые модные стандарты городского быта вытеснили традиционное из деревенского уклада и начали диктовать свои законы, поскольку, как известно, «в ходе социальной эволюции мода вытесняет обычай в его функции социального контроля», появляясь как маркер перехода от традиционного общества к современному [Ятина, 2001: 9]. В сфере культуры можно говорить о моде на общественную модернизацию и отказе от «устаревших» традиций.

Именно в 1950-е гг. было уничтожено большое количество старой традиционной утвари, мебели и одежды, хранившихся в крестьянских домах, а сами дома и интерьеры начали перестраиваться на современный лад, утратив черты региональной специфики. Этим временем датируются последние экспедиции немецких музеев, ориентированные на целенаправленный сбор у населения традиционных предметов быта и орудий сельскохозяйственного производства. Так, коллекция подобных предметов, собранная сотрудниками Лейпцигского этнографического музея, ныне составляет экспозицию и фонды самого крупного краеведческого музея в Юго-Западном Мекленбурге — Окружного музея города Хагенов, а также других небольших краеведческих музеев: «Собрания музея пополнялись разными способами, многое было куплено в деревнях Ябельхайде: старая мебель, сундуки, орудия труда. Только из Люббendorфа я привез два полных грузовика» [Хенри Гавлик: Иванова Ю.В. Архив. Л. 86].

В конце XX в. ситуация коренным образом изменилась. Большинство крестьян, к которым участники этнографической экспедиции 2000 г. обращались по поводу приобретения для музейного собрания старых традиционных вещей и предметов быта, с сожалением отказывали в этом, сообщая, что «в 50–60-е почти все старые вещи были ликвидированы, зачастую просто выброшены, особенно жалко старых сундуков, шкафов, мебель, и сейчас часто злишься на себя за это» [Иванова Ю.В. Архив. Л. 41].

Многое спасли от уничтожения музеи и любители старины: «Ничего не осталось. А на что мне это было? Сегодня можно сколь угодно злиться. В общем, все, что у меня тогда еще оставалось, я отдала в музей, туда... в Альт Ябель, вы, наверное, уже видели музей. Платье я тоже туда отдала, иначе вы могли бы получить его для своего музея, но теперь у меня ничего не осталось» [Аудиотека МАЭ РАН. № А-2-8].

Мы полагаем, что официальная государственная идеология ГДР не повлияла на угасание традиции народных гуляний и общинных календарных праздников. В большей степени она сказалась на переосмыслении, переориентации календарных праздников и совмещении их с гражданскими, привязанными к определенным датам календаря, а также на установлении новых гражданских, национальных и интернациональных праздников, которые и в деревнях отмечались торжественно [Токарев, 1983: 6; Мьлс, 1989: 366, 370–373]. Более того, такие массовые праздники, как Троица, 1 Мая и ежегодные осенние Праздники урожая в эпоху коллективного хозяйства сохраняли свое значение для некоторых деревенских общин и просуществовали вплоть до недавнего времени. Так, не прекращался обычай отмечать Праздник деревни всей общиной. Он имеет общегерманскую традицию и некоторые региональные черты. Традиционный майский праздник одновременно был интернациональным днем трудящихся, сопровождавшимся демонстрациями рабочих в городах или загородными маевками, и праздником начала весны в деревне. Информанты из деревень Ябельхайде неоднократно упоминали ежегодный обычай ставить Майское дерево на деревенской спортивной площадке и украшать его [Иванова Ю.В. Архив. Л. 29, 30, 42; см. также: Приложение 2, № 20, 22, 26, 29, 31, 54, 55]. Были переосмыслены и ежегодные осенние Праздники урожая. Утратив исконный смысл — обряд жертвования первых плодов божеству и сакральный момент начала потребления урожая, в более позднее время — благодарственный обряд в честь землевладельца, праздник окончания уборки урожая трансформировался в своеобразную демонстрацию социалистических достижений в сельском хозяйстве, подведение итогов сельскохозяйственного года в кооперативных хозяйствах, соревнования между коллективами одной или различных деревень, премирования лучших работников сельскохозяйственных кооперативов (LPG). Это иллюстрируют рассказы информантов, принимавших участие в деревенских праздниках урожая в 1950–60-е гг., они приведены в Приложении 2 [№ 32, 34, 36, 44]. Однако новые формы календарных праздников существовали не во всех деревнях Мекленбурга, во многих общинах они были утрачены и не получили

нового развития, что связано прежде всего с ликвидацией личных и коллективных хозяйств в этих деревнях, а также с оттоком молодежи из деревни в город.

Один из редких примеров сохранения общинного празднования Троицы дает материал из деревни Лоозен, которая вошла в исследуемый экспедицией регион Ябельхайде. Информанты из этой деревни сообщили, что совместное празднование Троицы в деревне не прекращалось и «во времена ГДР» [Приложение 2, № 28], хотя в основном традиции праздничной культуры по выше названным причинам перестали поддерживать.

На Троицу было принято строить беседку из деревянных жердей, сколоченных между собой и оплетенных березовыми ветками. В центр беседки ставили стол и несколько скамеек, там собирались и праздновали люди среднего и пожилого возрастов. Одновременно группа молодых людей (подростков или детей) ходила по деревне, от дома к дому, приветствуя хозяев стихотворением. Стихотворение приведено в мекленбургском варианте нижненемецкого диалекта.

Gaudrn Dag, Gaudrn Dag, Fru Buerin, Hdt juch oll Kauh noch Faurer in? Wat mcht denn juuch oll griese Hund? Ist juuch oll Kater noch gesund? Juuch oll Ddl is holl un boll Suss poor Eer humm ji woll? Drei inrn Grapen, drei inrn Schapen, Suss in unse Pingstekiep —	Добрый день, добрый день, Госпожа крестьянка, Жива ли ваша старая корова? Как поживает ваш серый пес? Здоров ли еще ваш старый кот? Ваши старые сени пусты, Ведь у вас есть несколько яиц? Три в котел, три в чан, Или в нашу праздничную корзинку
Ji warrn seelig — wi warrn riek!	Вы будете щедры, а мы — богаты!
Nu hulle gebulle up dann Disch, Und huf ji kein Eer, So gdff uns Fisch Und lodd uns hier nich lange stohn,	Ну, выкладывайте на стол, А если у вас нет яиц, Так дайте нам рыбы И не заставляйте долго стоять здесь:
Wie wullrn ok noch ein Hus wierer gohn	Нам еще идти к другим домам.
Und wenn ji uns kein Eer gden,	Если же вы нам не дадите яиц,
So sall uns Hahn juch Haun nich trden.	Так наш петух не будет топтать вашу курицу!

Обращение во второй строке могло варьироваться в зависимости от того, кому адресовано стихотворение* [Иванова Ю.В. Архив. Л. 44; Аудиотека МАЭ РАН, № А-2-7]. В ответ на такое приветствие парни обычно получали от хозяек яйца и переходили к другому дому, и так шествие коляды (иногда с песнями) продолжалось по всей деревне. Тот, кто позже всех вставал и опаздывал на общую сходку, получал шутовское прозвище «Троицын осел» или «Троицын бык» (Pfungstesel, Pfungstochse, Pingstekarr) и венок из зелени на шею, который должен был носить в течение всего праздничного дня. Люди заранее готовились к приходу колядующих и заготовливали свежие некрашенные яйца. Парни собирали большое количество яиц, которые затем можно было обменять на деньги или продать [Приложение 2, № 27, 28]. Это, пожалуй, редкий, если не единственный, случай продолжения в деревне традиции общинного праздника с сохранением архаических черт, поэтому это явление привлекло в 1984 г. внимание журналистов, а вслед за ними — местных немецких этнографов: обычай был подробно описан и проанализирован в коллективной монографии «Этнография Мекленбурга». Автор статьи, современный немецкий этнограф и культуролог Хайке Мюнс пришла к выводу, что функционирование зафиксированного в 1980-е гг. обычая обеспечивается наличием двух групп: адресатов-крестьян, имеющих собственное хозяйство, и носителей обычая, заинтересованных в сбыте полученной продукции [Mьns, 1989: 372]. В описанном обычае празднования Троицы в деревне Лоозен в конце XX в. сохранились архаичные черты, имевшие место в весенней праздничной обрядности Ябельхайде до 1910–1920 гг. и утраченные позже, в 1930-е, — это обряд колядования, функционирование яйца как ритуального символа плодородия, а так-

---

* В немецком языке нет универсального понятия «крестьянин», но исторически существовало несколько обозначений для разных типов сельскохозяйственных работников, различавшихся по величине находившихся в собственности земельных наделов и характеру зависимости от землевладельца. Так, крестьянин, владеющий 30–40 га земли и большим крестьянским домом-двором, называется «Bauer»; малоземельный крестьянин, получивший в надел дом, двор и небольшой участок земли в 0,22 га, — «Bdner»; безземельный работник, получивший в собственность лишь двор размером 0,03 га с небольшим домом, — «Hdusler». Безземельный крестьянин носил название «Kossate». Естественно, крестьяне, относящиеся к двум последним типам, не могли обеспечить себя за счет сельского хозяйства и часто работали поденщиками, батраками у крестьян, рабочими в городах или арендовали землю у землевладельца. В настоящее время крестьянин, имеющий частное хозяйство, носит название «Bauer», а работники, занятые в государственных или кооперативных полевых хозяйствах, — «Landwirt».

же устно передающаяся из поколения в поколение песня-колядка. Но налицо новый элемент в обрядности, продиктованный интересами современного общества: собранные во время колядования яйца уже не составляли молодежной праздничной трапезы, а служили обменным продуктом.

Сами информанты отметили, что обычай колядования на Троицу в деревне «сохранялся очень долго, на некоторое время он был забыт, но сейчас вновь возрожден» [Иванова Ю.В. Архив. Л. 44 об.]. Некоторое «затишье» в праздничной жизни деревень, которая, несмотря на коллективизацию и технизацию, продолжала существовать в некоторых общинах, имеет исторически обусловленные причины. Угасание праздничной и вообще общинной жизни в Мекленбурге соотносится со временем, последовавшим за объединением двух германских государств в 1989 г. и получившим название «Венде» (нем. Wende 'рубеж, поворот'). Дело в том, что как само событие, так и последовавший за ним процесс интеграции новых немецких земель в Федеративную Республику был воспринят гражданами бывшей ГДР и, соответственно, бывшей ФРГ неоднозначно. Если для западных немцев этот процесс был бы сравним с этноэволюционными процессами, то для восточных он стал трансформационным и привел к полной смене социально-экономических и политических институтов, к изменениям на бытовом и межличностном уровнях. Процесс интеграции по-разному отразился на жизни и активности деревенских общин Мекленбурга, особенно юго-западной области, находящейся в непосредственной близости с бывшей границей и испытавшей первые волнения и поток переселенцев в земли бывшей Западной Германии. Яркими примерами тому были свидетельства крестьян деревень Ябельхайде, зафиксированные экспедицией [Аудиотека МАЭ РАН, № А-2-10]. В то же время в западных областях, в том числе на территории Ганноверского Вендланда, коренных изменений не произошло, так как западные немцы не были активно вовлечены в процесс интеграции. Не сказалось судьбоносное событие и на деревенской жизни и праздничной культуре региона. Чувство неуверенности, которое овладевает людьми в переходные периоды истории, опасность утраты своих традиций, накопленных за время независимого существования государства, на некоторое время парализовали общественную жизнь в деревнях. Но эти же причины спустя десятилетие вызвали к жизни процесс возрождения своей самобытности, отразившийся, прежде всего, на жизни деревенских общин. Ведь именно поворотные моменты в судьбе любой нации способны вызвать всплеск национального самосознания. Думается, что в случае с Мекленбургом речь не может идти о нацио-

нальном, этническом самосознании, поскольку современное население обоих государств составляют немцы. Скорее всего, можно говорить об утверждении самостоятельности и уникальности традиций бывших восточных земель в долгом процессе завоевания равноправия по отношению к бывшим западным землям, который наблюдается в настоящее время на востоке объединенной Германии. Не касаясь специально этой проблематики, которая более интересна для социологов, проиллюстрируем процесс самоутверждения на материале праздничной культуры деревень Юго-Западного Мекленбурга в конце XX в.

Малые отдаленные деревни, где основную часть населения составляют пенсионеры, пожилые люди 70–90 лет, по экспедиционным наблюдениям, оказались незатронутыми этим движением из-за отсутствия соответствующих возрастных групп. По рассказам наших информантов, примерно с 60-х гг. молодежь начала уезжать в города, которые становились местом работы и жительства («Теперь здесь всего-то несколько крестьян, в основном ведь аграрные кооперативы. Что им за интерес украшать телеги?» [Аудиотека МАЭ РАН, № А-2-13]. Поэтому такие малые деревни не могли обеспечить экспедиции нужный объем материала по календарным праздникам Ябельхайде конца XX в. В то же время именно обособленность и удаленность региона от крупных центров городской цивилизации и путей сообщения стала причиной сохранения праздничной традиции в ее новых формах в других сельских общинах [Мьнс, 1989: 372].

Анализ собранного материала по сезонным праздникам в различных деревнях свидетельствует, что в различных деревнях, иногда находящихся друг от друга в двух километрах, не наблюдается единства отмечаемых совместно праздников и гуляний. Так, житель деревни Пихер Райнхард Карбов, назначенный бургомистром, «ответственным за церковную жизнь общины Пихера», после долгих раздумий упомянул лишь два повода, позволяющих жителям деревни собраться для коллективного празднования, — это Праздник деревни и канун официального государственного праздника объединения Германии 3 октября. Отсутствие слаженной жизни деревенского коллектива сказывается и на организации праздников: они заключаются лишь в совместном распитии пива и шнапса у костра, который мужская часть общины разводит на окраине деревни [Иванова Ю.В. Архив. Л. 85].

Примером парцелляции календарной обрядности могут служить утрата новой маленькой деревней Ной Ябель традиции общинных праздников и перенос их в сферу семьи. Единственный повод собраться общине — это детские праздники, такие, как

осенний «Праздник фонариков» («Laternenfest, Lampionfest»), во время которого по деревне проходит красочное шествие нарядно одетых детей с цветными бумажными фонарями [Иванова Ю.В. Архив. Л. 88–89]. Детский праздник фонариков восходит к празднованию дня св. Мартина, который раньше считали последним осенним праздником сельскохозяйственного года. Праздничная обрядность и составные элементы Мартинова дня претерпели значительные изменения: от разжигания Мартинова огня на возвышенностях и шествий с факелами до процессии с разноцветными бумажными фонариками; сменились и носители обряда — теперь это исключительно дети, тогда как раньше — взрослые парни [Филимонова, 1978: 139]. В большинстве районов Германии Мартинов праздник, трансформировавшись в детский праздник, отмечается по традиции 11 ноября, но в исследуемом регионе дата его празднования четко не зафиксирована: например, в деревне Филанк встречались объявления о приглашении на Праздник фонарей 13 октября [Иванова Ю.В. Архив. Л. 77]. Несмотря на коллективность действия, в центре внимания и праздничного обряда оказывается ребенок, т.е. на первый план выступает семья, а не община.

Пожалуй, только два праздника из традиционного календарного цикла имеют в настоящее время достаточно широкое распространение и могут считаться стабильным явлением. Это ежегодный осенний Праздник урожая (Erntefest) и Праздник деревни (Dorffest). Последний, как было отмечено выше, имеет общегерманскую традицию и мало региональных особенностей в обрядности (подробное описание см.: [Приложение 2, № 35]). Обычно Праздники урожая не прикреплены к определенной дате календаря, они проводятся в конце сентября или начале октября, после окончания полевых работ, сбора урожая, и знаменуют окончание сельскохозяйственного года [Филимонова, 1978: 131; Покровская, 1983: 85]. Схема праздника остается общей в Мекленбурге, но детали обряда могут варьироваться в различных деревнях (ср., например, подробное описание Праздника урожая в д. Лоозен, приведенное в [Приложении 2, № 33]). Лоозен не единственная деревня, в которой столь красочно отмечается Праздник урожая. Проезжая по дорогам региона Ябельхайде и далее по Западному Мекленбургу, можно заметить характерные «соломенные бабы», сделанные из рулонов соломы и одетые как крестьяне. Эти куклы стали символом начинающихся Праздников урожая и ставятся обычно у въезда в деревню, в которой должно произойти данное событие (Илл. 16).

Каждый год правительство федеральной земли Мекленбург — Передняя Померания выбирает место проведения официаль-

ного общеземельного Праздника урожая (Landeserntedankfest) с участием премьер-министра федеральной земли и епископа Мекленбургского. Так, в 2000 г. это была д. Мекленбург, сыгравшая важную роль в северонемецкой, в том числе славянополабской, истории. Праздник заключался в традиционной процессии сельскохозяйственной техники, передаче крестьянами Короны урожая премьер-министру (который заменил землевладельца в обряде XIX в.), крестьянской ярмарке, развлекательном представлении и благодарственном молебне с участием епископа Мекленбургского (Илл. 17). О месте проведения и программе праздника сообщается в прессе, программах и афишах, распространяемых в самой деревне и за ее пределами. К организации Праздников урожая, праздничного оформления деревни и места проведения мероприятия широко привлекаются дети и школьники [Иванова Ю.В. Архив. Л. 46–48].

С одной стороны, сугубо крестьянский Праздник урожая, связанный с аграрной магией и обрядностью, в конце XX в. вновь становится популярным и в некоторых местах получает официальный статус. С другой стороны, самими жителями деревни и членами общины Праздник урожая не ощущается таковым, не приобретает окраски «навязанного властями» и официального.

Это проявилось на Празднике урожая в д. Лоозен. В церемонии принимают участие все жители деревни. В традиционном выезде украшенных тракторов с повозками участвует каждый двор, имеющий трактор, или предоставляется транспорт от аграрного кооператива. В украшении повозок и тракторов проявляется творчество молодых членов общины и детей, поскольку правила обычно произвольны и все основано на фантазии владельца (Илл. 18, 19). Кукол и чучела из соломы изготавливают деревенские дети вместе с родителями накануне праздника (на их изготовление обычно требуется один вечер). После окончания праздника чучела не используются и разбираются, поэтому для их изготовления мастера используют личную одежду. Часто в качестве украшения поезда встречаются соломенные куклы и антропоморфные, как правило толстые, даже безобразные фигуры, наблюдается элемент эротики.

Примером тому может служить чучело из собрания МАЭ РАН [№ 7182–10], полученное в дар от жителей деревни. Чучело, изготовленное из рабочей одежды, набитой соломой, было привязано к капоту трактора лежа, так, чтобы выдавалась самая фривольная деталь куклы — огромный фаллос, сделанный из корнеплода моркови (Илл. 20). Элемент эротики традиционен для аграрных праздников, призванных положительно повлиять на плодородие и урожай: «Аграрная предназначенность многих эро-

тических обрядов со всей очевидностью проступает и в календарных праздниках современных европейских народов, хотя мотивировка этих обрядов обычно забыта» [Покровская, 1983: 69]. Действительно, в современной деревне изготовление чучел с подсобными деталями воспринимается как шутка. Возможность применить свою фантазию в оформлении телег и тракторов, фри-вольно пошутить стимулирует интерес взрослого поколения к участию в общедеревенском празднике.

Рассказы информантов и непосредственные наблюдения экспедиции позволили заключить, что в настоящее время в северо-немецких деревнях происходит возрождение старой традиции общедеревенских Праздников урожая. Конечно, наивно полагать, что в конце XX в. в деревнях Ябельхайде сезонный праздник уборки урожая вновь приобретет аграрно-магическую направленность. Но это единственный праздник в ряду календарных, не утративший связи с земледелием и объединяющий всю деревенскую общину. Кроме того, в конце XX в. мекленбургские Праздники урожая утратили некоторые черты, характерные для периода коллективизации и социалистического хозяйства: соревнования, награждение лучших коллективов, демонстрации и т.д., в то время как упомянутые архаичные черты возродились. Надо полагать, причина этого — крах тоталитарной системы и появление интереса к своим корням, целенаправленное изучение фольклорными группами элементов обряда, зафиксированных в начале XX в. и более ранние исторические периоды. Именно фольклорные группы в большинстве случаев являются инициаторами и организаторами деревенских праздников.

Таким образом, со второй половины 1990-х гг. в деревенской праздничной культуре Юго-Западного Мекленбурга наметилась тенденция возрождения совместных общинных праздников, охватывающих все возрастные группы населения. Это коснулось не только традиционных календарных праздников, но и совершенно новых гражданских, введенных после «Венде». Например, в крупной деревне Брезегард (у д. Эльдена) с 1998 г. в третье воскресенье октября жители предпринимает совместные прогулки-походы к древнеславянскому крепостному валу в д. Менкендорф. В Пасху на окраине деревни принято совместно разжигать большой костер, устраивать уже ставший традиционным Бал пожарников с танцами, оркестром, выпечкой и пивом. Два года назад у местных энтузиастов из Общинного дома родилась идея Праздника улицы, которая претворилась в празднование каждой улицей Брезегарда своих дней, во время которых жители собираются на свежем воздухе в кругу друзей и соседей. Праздничные мероприятия включают широко распространенное в со-

временной Германии совместное приготовление мяса на гриле; продукты, напитки и посуда обеспечиваются участниками мероприятия вскладчину [Иванова Ю.В. Архив. Л. 116]. Подобные праздники, стимулирующие совместные действия и общение жителей одной улицы, играют роль объединяющего, сплачивающего фактора в жизни деревенской общины, что было утрачено в последнее время.

Тенденции развития праздничной культуры деревень Ганноверского Вендланда в послевоенный период были иными. Исследования XIX в. показали, что отличительной чертой вендландских крестьян считается их сплоченность внутри региона, внутренняя солидарность и резкое неприятие влияний извне. Малые размеры и круглая форма вендландских деревень, а также интересы хозяйства предполагали возникновение крестьянской сплоченности в регионе, которая отражалась во всех сферах жизни, особенно в праздничной культуре. Это выражалось, к примеру, в том, что даже семейные праздники жизненного цикла обычно носили характер деревенских общинных застолий и увеселений. При этом следует отметить, что сказанное распространялось только на коренных жителей деревень региона. Переселенцы обычно не считались таковыми и исключались из жизни вендландских общин [Schwebe, 1960: 12]. XX век принес значительные изменения в замкнутую традиционную жизнь вендландских деревень. Потери и разорения Второй мировой войны и значительный приток переселенцев из других, преимущественно бывших восточных, областей Германии изменили демографическую карту Вендланда таким образом, что в послевоенные десятилетия здесь значительно уменьшилось количество коренных жителей — основных носителей и хранителей традиционной культуры региона. Исследования Йоахима Швебе показали, что большинство традиционных праздничных обычаев и обрядов в Вендланде угасло к концу XIX или в начале XX в.: практически все рассказы о колядках ряженных в Сочельник Рождества, играх и колядках пастухов и деревенской молодежи на Троицу и продолжительных совместных деревенских праздниках, приуроченных к началу мая или Троице, сообщены информантами, родившимися в период с 1865 по 1890 гг., и, следовательно, относятся к последней четверти XIX в. или первой четверти XX в. [Schwebe, 1960; Приложение, № 205–209, 213, 270, 353, 406, 407, 514, 516, 517, 520, 522, 523, 524, 535, 537–540]. На основе этих рассказов мы реконструировали богатые праздничные традиции Вендланда XIX в.

Согласно рассказам молодого поколения и школьников, информировавших Й. Швебе, к 1950–60-м гг. частично сохранились старые обряды приношения воды и разжигания костров на

Пасху, некоторые обычаи, связанные с Троицей и восходящие к древним обрядам весенней аграрной магии. В некоторых деревнях после 1945 г. был возрожден приуроченный к 1 мая обычай устанавливать в центре рундлинга украшенную венками и лентами березу [Schwebe, 1960: 83]. Особый интерес представляет обычай весеннего колядования, относящийся в различных деревнях Вендланда ко второму воскресенью Пасхальной недели или Троице, называемый в Вендланде «Воронья свадьба» (Kraienkust). По деревне с песнями и музыкой ходила процессия ряженных парней, несших на украшенном шесте воронье гнездо. Колядующие получали от крестьян яйца или другие продукты, которые вечером составляли совместную праздничную трапезу молодежи. Этот обычай во многих деталях сходен с мекленбургским колядованием на Троицу, сохранившимся до наших дней в д. Лоозен, что было описано выше [Schwebe, 1960: 74]. В некоторых деревнях Вендланда обычай сохранялся до 1960-х гг. Причину этого Й. Швеве видит в рациональной оценке, придаваемой ему крестьянами: раньше он сопровождался разорением гнезд ворон, наносивших урон хозяйству. Автор считает, что мотивировка праздничного действия как борьбы с вредителями крестьянского хозяйства обеспечила древнему весеннему обряду успешное функционирование в современности [Schwebe, 1960: 78].

Традиция Праздников урожая в послевоенном Ганноверском Вендланде не прослеживается, что связано со следующим обстоятельством. Как известно, после раздела Германии в конце 1940-х гг. территория Вендланда входила в состав бывшей Западной Германии, где сохранялись индивидуальные хозяйства. Наличие плодородных земель за Эльбой (в отличие от соседнего правобережного региона Ябельхайде) обусловило характерную систему хозяйствования — в Ганноверском Вендланде как преимущественно аграрном районе всегда существовало достаточно большое количество собственных хозяйств, находившихся в руках крупных крестьян-собственников [Schwebe, 1960: 13; Мыльников А.С. Полевой дневник. Л. 62; Иванова Ю.В. Архив. Л. 127–127 об.]. Земли бывшей Западной Германии не знали коллективизации. Такая особенность системы хозяйствования, не предполагавшей коллективного труда и совместного действия жителей деревни, обусловила замкнутость образа жизни крестьян внутри «своих», соседей-вендландцев. Можно говорить о том, что в послевоенном Вендланде, население которого было значительно разбавлено переселенцами из других регионов, общинная жизнь крестьян — носителей традиций праздничной культуры — угасала и все больше сосредоточивалась внутри отдельных семей.

Как было отмечено выше, процесс сужения социальной стороны календарной обрядности был закономерным следствием исторических изменений хозяйственных и социальных структур общества, а утрата регионального своеобразия элементами обрядности — естественным следствием проникновения технических средств и стандартизации крестьянской жизни. Но если в Ябельхайде окончательный переход от общинного быта к узкосемейному сдерживался участием кооперативов и других коллективных объединений в той или иной сфере жизни деревенского общества, в том числе и в праздничной культуре, то в Ганноверском Вендланде не было стимула к объединению в единый организм коренных крестьян-вендландцев и переселенцев, которые часто не были задействованы в сельском хозяйстве. Исследования Йоахима Швебе показали, что традиционная праздничная обрядность календарного цикла в послевоенном Вендланде сохранялась фрагментарно, совместные крестьянские праздники продолжали существовать не во всех деревнях, охватывая все меньшее количество жителей и угасая по мере смены поколений.

Этот вывод подтвердили и данные экспедиции 2000 г. По рассказам вендландских информантов, начиная с послевоенного времени старые крестьянские дома-дворы в круглых деревнях Вендланда охотно покупают любители старины из Гамбурга, Люнебурга, Нюрнберга, Берлина и других крупных городов страны; этот процесс продолжается и в настоящее время. Удельный вес коренных вендландцев в деревнях стремительно падает по сравнению с переселенцами, а отсутствие молодого поколения, заинтересованного в продолжении крестьянских праздничных традиций, приводит к естественному угасанию последних [Мыльников А.С. Полевой дневник; Иванова Ю.В. Архив. Л. 130–132]*. В настоящее время лишь в некоторых деревнях, вошедших в область исследований экспедиции, существует традиция праздников с элементами архаичной календарной обрядности — это обычай разведения пасхального огня в д. Затлинцеце, Маммоисель и др., установки Майского дерева на площади рундлинга и пения майских песен в д. Пюгген, праздничный выезд духового хора на повозках, украшенных зеленью, в Троице в д. Маммоисель [Аудиотека МАЭ РАН, № А–2–18; Приложение 2, № 19–21, 55]. Из-за малочисленности молодежи в современной деревне для подобных праздничных увеселений объединяется несколько

---

* Специальных исследований праздничной культуры современного Вендланда ни в Германии, ни в России не было проведено, поэтому утверждения автора построены на личных наблюдениях, а также на информации, полученной участниками экспедиции 2000 г. от крестьян и краеведов Вендланда.

(от трех до четырех) близлежащих населенных пунктов. Главными носителями праздничной традиции информанты считают молодое поколение. Организация праздников принадлежит деревенской молодежи, в действиях обычно принимают участие и дети, что говорит о том, что древние календарные обычаи и обряды, утратив прежний аграрно-магический смысл и мотивировку (даже в поздней интерпретации — суеверия стариков-крестьян), приобрели характер игры, сезонного молодежного развлечения. Это характерно для современного бытования традиций, связанных с календарными обычаями и обрядами, и наблюдается повсеместно в Европе [Иванова, Серов, Токарев, 1983: 213]. Ситуация в Вендланде в конце XX в. лишний раз подтверждает этот тезис.

Однако параллельно с указанным явлением можно наблюдать и противоположный процесс. В настоящее время во всех постиндустриальных странах мира происходит смена ценностей, что проявляется в отмене прежних модных образцов (мода на общественную модернизацию 50–60-х гг. XX в.) и утверждении моды на самобытность, народность. В общем русле этих ценностных изменений конца XX в. в Германии наблюдается возрождение интереса к истокам собственной культуры. Сегодня в оформлении своего жизненного пространства люди стремятся не к подражанию городским образцам и унификации, а к индивидуальности, делая акцент на региональном своеобразии деталей. В изучаемом регионе это, в частности, проявляется в современном переоборудовании старых крестьянских домов в сочетании с нарочитым сохранением традиционных деталей и частым использованием в качестве декоративного оформления интерьера гостиных старых вещей и грубой мебели (Илл. 21). Состоятельные люди вкладывают деньги в покупку и реставрацию старых крестьянских домов-дворов в традиционном стиле. Серийной одежде индустриального производства все чаще предпочитают эксклюзивную одежду домашнего и ремесленного производства из натуральных материалов. Стоимость такой одежды (и отношение к ней) определяется вложенным в ее производство трудом и нередко приближается к стоимости одежды известных марок и фирм [Иванова Ю.В. Архив. Л. 32–33, 75, 79]. Выбор этнического стиля объявляется престижным.

Возрождается интерес и к традиционным сезонным народным праздникам. Традиции бережно сохраняются и продолжают, прежде всего, коллективами народного танца, в частности, ансамблем из г. Люхов «De Cwerpetters». Его художественный руководитель и вдохновитель Ундине Штивих относит себя к коренным жителям Вендланда и считает продолжение традиций

вендландского танца делом семьи, поскольку все предки Ундине по материнской линии были связаны с этим ансамблем. «De Цверпетters» выступает с вендландскими танцами и песнями, в том числе знаменитой вендской свадебной песней «Katy mks Nonka beut» на древенполабском языке (подробнее о вендской песне см.: [Tetzner F. Die Polaben. S. 374]. Текст с переводом приведен в разделе Итоговые размышления). Участники «De Цверпетters» не только выступают на национальных и международных конкурсах народного танца, но и участвуют в праздничных действиях и представлениях, приуроченных к весенним и летне-осенним праздникам. Праздничные выступления ансамбля проводятся по заказу «Общества круглых деревень» в центре круглой площади музейной деревни-рундлинга Любельн, близ г. Люхов, и являются, таким образом, игровым элементом в музейной экспозиции (Илл. 22).

Известно, что у народов, чья национальная одежда вышла из активного употребления, вынутая из сундука и надетая в праздничный день, она выполняет функцию маркера праздника, отличая его от будней [Токарев, 1983: 190]. Эту ситуацию можно наблюдать на примере вендландского коллектива самодеятельности. В доме Ундине Штивих имеется комплект одежды вендландской девушки с традиционным головным убором и лентами, возраст которого, по определению владелицы, составляет около 150 лет [Иванова Ю.В. Архив. Л. 146]. Традиционный костюм Вендланда, бережно хранимый семьей и передаваемый из поколения в поколение, является не только театральным реквизитом, но и праздничной одеждой членов коллектива, которую надевают, например, во время свадьбы.

Таким образом, наблюдается двусторонний процесс возрождения праздничных традиций: с одной стороны, танцевальные группы поддерживают праздничные традиции Вендланда исходя из профессионального интереса, являясь благодаря этому своеобразным символом вендландской культуры сегодня. С другой стороны, наблюдается процесс формирования особого стиля жизни, который предполагает, что соблюдение региональных традиций в частной жизни объявляется ценностью, а значит, обладает престижем для его приверженцев.

Материал по календарным обычаям Мекленбурга и Ганноверского Вендланда демонстрирует следующие тенденции послевоенного и современного развития праздничной культуры. Во-первых, традиция совместного празднования дат календарного цикла возрождена и имеет место далеко не во всех деревнях Ябельхайде и Вендланда, преимущественно в деревенских общинах с большим количеством молодежи и детей. Во-вторых, в продол-

жение традиции общинных праздников после войны важную роль сыграло участие деревень Ябельхайде в коллективных хозяйствах ГДР. Опыт коллективизации для деревенской культуры не был исключительно негативным. Он позитивно сказался на возрождении единства деревенских общин. В настоящее время полезная и продуктивная коллективность не противоречит индивидуальности отдельной семьи и личности. В-третьих, сохранению многих архаичных черт традиционной календарной обрядности Вендланда в послевоенный период способствовала патриархальность местного населения, его замкнутость внутри региона. И, наконец, в-четвертых, стимулами возрождения в конце XX в. традиционных календарных обычаев в обоих изучаемых регионах являются утверждение в обществе моды на самобытность, пропаганда региональных традиций как способ привлечения в регион туристов, т.е. обеспечение финансовых поступлений, подъем локального, областного самосознания и самоутверждение как один из его компонентов.